

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 10

(1936)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

народа. Отсюда и рецензируемый сборник хотя и не является в какой-либо степени исследовательской работой, даже в пределах тех вопросов, которые в дискуссии были подняты, все же является чрезвычайно ценной для китаиста книгой, ибо в этом сборнике отражен один из интереснейших этапов в развитии китайского языка. Этап, мимо которого всякому, занимающемуся вопросами китайского языка и письменности, трудно будет пройти.

А. Шпринцин.

Гесериада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света. Перевод, вступительная статья и комментарии С. А. Козина. Акад. Наук СССР. Труды Института антропологии, этнографии и археологии, т. VIII, Фольклорная серия, № 3. Издательство Академии Наук СССР. М.—Л., 1935, стр. 245, 8°.

Когда мы (напр., автор этой книги, С. А. Козин и я, пишущий эти строки) сидели в 1900 г. за ученическими партами в унылых и бесцветных аудиториях бывшего Факультета восточных языков Петербургского университета и медленно читали в оригинале это «Сказание о Гесерхане», мы чувствовали полным сердцем все величие этой блестящей эпопеи, идущее, конечно, гораздо дальше того, что получалось от скудного ученического перевода тех самых строк, которые — мы это хорошо знали — восхищали и восхищают монгола. И, все-таки, в унисон бесцветной, унылой аудитории и группе карьеристов, в ней собравшейся, мы чувствовали себя в тупике, ибо к переводу было почти невозможно подойти: до такой степени в каждом слове торчала нестерпимая экзотика, с ее чудовищными гиперболами, эпитетами и стихами, рифмованными вначале, и т. д. Столь простая

и так часто встречающаяся фраза, как: Гесер-хан дагулаба затрудняла перевод до чрезвычайности. Перевести ли так: «Гесер запел» или «Гесер молвил»? А от решения этого простого вопроса в простой фразе зависел более или менее свободный выход из экзотического тупика, тени, настроение!

Перевод Шмидта был прост, но и только. Он давал выход из безграмотности, отчасти помогая в этом отношении аудиторным занятиям; но где было взять то мощное настроение огромной эпопеи, которое надо было предпослать чтению текста и его переводу? — ибо, поскольку текст дает глаза, а перевод — очки, постольку рассматриваемое в учебную лупу управляется из центров высших. — Вышшего — увы! не было.

Гесериада, в переводе и объяснении С. А. Козина, создает настроение и целокупно-художественное и научно-состоятельное, и определенное и сильное. Переводчик и автор статей, своими разысканиями выдвинувшийся в ряды наших первоклассных монголистов, сделал этой своей большой и прекрасной, стоившей большого труда и борьбы книгой весьма ощутимый и значительный вклад в эпическую литературу народов земли, и если после книги покойного акад. Б. Я. Владимирцова, впервые познакомившего нас с творящимся доселе среди монголов эпосом, у нас осталось впечатление грандиозной стихии, то эта книга, посвященная литературному эпосу монголов, столь же, повидимому (как утверждает это С. А. Козин) коренному, а не переводному, как и эпопеи, записанные и показанные нам во всю ширь и мощь Б. Я. Владимирцовым, — эта книга окончательно утверждает нас в знании и понимании стихии самого значительного из народов Средней Азии, изучению которого предано в настоящее время

много первоклассных ученых; она же делает монголистику наукою увлекательной, и, конечно, прочесть эту книгу начинающему монголисту, а тем более еще не выбравшему себе специальности молодому студенту — значит решительно стать адептом этой науки. А многие ли из нас, ориенталистов, могут похвалиться наличием таких увлекательных книг, вводящих в суть большого дела и в то же время показывающих его во всю его реальную величину?

Вступительная статья, отнюдь не нарушая пропорций книги (как то часто случается с переводчиками, заслоняющими собою оригинал), в весьма скромных размерах дает много новых мыслей и, собственно, создает новую теорию Гесериады, отныне весьма цельную и убедительную. В частности, ею автор доказывает, что при исследовании фольклора ни один из ранее применявшихся методов (как то: метод школы мифологической или сравнительного фольклора, теории миграций и встречных течений, теории антропологической и т. п.) недостаточен, вообще, и, в частности, они оказались недостаточными для разрешения проблемы Гесериады, где простой метод сравнительного историко-литературного анализа оказывается плодотворнее всех других, тем более, что в монгольской литературе особняком стоят случаи приспособления фольклорных версий, тем и приемов для создания чисто литературных произведений как устных, так и письменных. С. А. Козин доказывает нам, и вполне основательно, — по крайней мере с моей точки зрения фольклориста, который особенно остро чувствует настроение автора, хотя бы для своего, китайского материала, столь, казалось бы, неоднородного с Гесериадой, — что этот последний метод в особенности приложим к пекинской версии Гесериады и дает

довольно-таки неожиданные результаты. Так, напр., экзотическая статика неподготовленного читателя, а равно и фольклорные метания от метода к методу при созерцании этой эпопеи, полной всего самого чудовищного и самого невероятного, — гипербол, от которых не свободна ни одна строка, — все это вряд ли позволило бы сделать открытие С. А. Козиным в Гесериаде мотивов социальной сатиры. Не знаю, будут ли монголисты это поддерживать или оспаривать, но, ведь, действительно, надо же найти выход из того экзотического тупика, о котором я говорил, и в который заводит нас, столь далеких от эпоса вообще, а тем более от эпоса, столь терпко насыщенного гиперолой, как Гесериада, ее чтение и освоение! В обязанность советского востоковеда-исследователя входит, по-моему, прежде всего или прежде многого прочего, создать, наконец, какой-то паритет между вдохновенным поэтом одного народа и другого; он обязан показать явление во всей его значительности, не уродуя его, не клеветая на него своим переводом и не оставляя читателя в беспомощности, а тем более — в тайном убеждении, что, мол, эти азиаты нам не указ и не нашего-де поля ягода!

Мне кажется, что С. А. Козин сделал решительно все от него зависевшее, чтобы вывести читателя из этого тупика, не подменив его непосредственного восприятия своим собственным профессиональным (всегда сантиментально и ограничено наивным) любованьем и, тем более, не бросив его в «статум кво», без перспектив и без выходов. И если этот сатирический дух Гесериады, отражающий, по свидетельству С. А. Козина, тибетский жанр и тибетское влияние, будет монголистами признан, то ее чтение будет освещено, словно лучом прожектора, а фантазия,

управляемая сложным умом, освободится в этом преломлении от фантасма и фантомов, парализующих непосредственное впечатление, и будет красоваться в эпическом мире: искомый паритет найден!

Перевод С. А. Козина есть перевод филологический, имеющий в виду дать адекватное подлиннику отражение его в русском языке. Конечно, язык русской былины был бы еще лучшим инструментом для этой передачи и внушил бы нам не мало мыслей о происхождении этих самых былин от азиатских (а не западных) прототипов; но, во-первых, кто из нас им владеет? а, во-вторых, опасность руссификации в этом деле столь велика, что подобным выходом правильно было пренебречь. Тем не менее, я продолжаю считать, что даже без всяких претензий на гениальное отражение гениального подлинника переводчик обязан ритмическую речь передавать ритмически и стихи стихами, ибо ритм, рифма, стих суть такие же, если хотите, «нормы» передачи, как и «нормальная» литературная речь, которая, ведь, точно так же вся насквозь является искусственною имитацией, сборный состав которой ритм, рифма и стих соединят в одно целое скорее, чем ее расхлябанная разбросанность. Думаю, что, не делая никаких таких упреков переводу С. А. Козина, все же этими строками выскажу желательность применения к Гесериаде приемов, столь блестяще освоенных М. Л. Лозинским в переводе Шах-наме, и хотя пекинская версия Гесериады, с которой сделан настоящий перевод, написана прозой, но проза-то эта, ведь, не протокольная!

Комментарии С. А. Козина к Гесериаде, как и его вступительная статья, знают чувство меры выше всякой похвалы и не отпугнут читателя, идущего к художественному произведению мимо ставимых нами ему заборов и частоколов.

Однако, и на этих ничтожных по числу страницах С. А. Козин сумел развить так много новых мыслей, что, право, теперь уже эпическое название его книги (вслед за оригиналом) может ввести читателя в заблуждение, ибо из этого титула никак нельзя предположить наличность оригинального и крайне убедительного лингвистического исследования, занимающего значительную часть комментария и выдвигающего, напр., новую теорию о синтаксическом происхождении глагольных суффиксов, — теорию, крайне важную, как мне кажется, для построения дальнейшей теории исторического процесса развития языков данной системы.

Что до сближения Гесера с китайским Гуань Ди, то это сближение чисто внешнее, и я на нем не рекомендовал бы сосредоточиваться, ибо здесь пошли бы друг другу навстречу синкретизирующая безграмотность одних и пассивное подчинение китайскому влиянию других. Самому храму Гуань Ди-Гесера в ургинском маймай'чане (торговом, ныне заброшенном китайском городе), я в 1926 г. посвятил, как одному из ближайших моих предметов изучения китайской религии и фольклора, довольно много внимания и готов сделать подробное его описание, которое, впрочем, в тексте книги С. А. Козина было бы вряд ли уместным.

Оформление книги — одно из редких достижений нашего издательства, с чем можно его от души поздравить. Тем не менее, я на обложке предпочел бы видеть хорошую каллиграфию оригинального монгольского заголовка, что сделать было бы не так уж трудно при богатой каллиграфической наличности наших монгольских коллекций. Но и в таком виде обложка производит впечатление, если не считать красок, слишком убогих по сравнению с теми, которые дают, напр.,

Согатые, роскошные монгольские ксилографы, собранные в Институте востоковедения.

Работа Б. А. Филистинского над дальнейшим оформлением книги, в виде фронтисписа и заставок, может считаться, в общем, удачной. Жаль, что вечная экономия красочного материала, производящая разрушительное впечатление своими серыми пятнами, и тут подменила яркий оригинал уныло-серыми комбинациями. В частности, драконы вышли слишком плоскими и какого-то промежуточного, вряд ли существующего типа.

Возвращаясь, в заключение, к типу русского перевода, предлагаемого С. А. Козиным, надо, вообще, сказать, что ему, повидному, лучше удаются сложные описательные тирады, чем диалоги, — что и естественно. Иногда шокируют руссизмы как, напр., на стр. 210: «Когда тебя обратили в осла, у нее нарушилось кровообращение, и она впала в беспамятство».

Есть погрешности в транскрипции китайских иероглифов, как, напр., на стр. 9: «Гуань-юн-чжан (надо: Гуань Юнь-чжан), Сян-ди» (надо: Сянь Ди), которых китаисту, каковым является С. А. Козин, следовало бы избежать.

К книге приложена «литература, относящаяся к сказанию о Гесере», дающая очень внушительную картину источников этой солидной, самой по себе, книги, столь увлекательной и столь доказательной.

В. Алексеев.

Rubruk, Wilhelm, von. Reise zu den Mongolen. 1253—1255. Übersetzt und erläutert von Dr. Friedrich Risch. Veröffentlichungen des Forschungsinstituts für vergleichende Religionsgeschichte an der Universität Leipzig, herausgegeben von Prof. Dr. Hans Haas. II, Reihe, Heft 13,

A. Deichertsche Verlagsbuchhandlung D. Werner Scholl, Leipzig, 1934, VIII t., 336 pp.

Несомненно, что новый перевод отчета Рубрука о поездке в Монголию является весьма своевременным, так как он основан не только на издании латинского текста Fr. Michel et Th. Wright (Recueil de voyages et mémoires, T. IV, 1839), издании, прославившемся своими недостатками. Переводчик привлек для своей работы новое издание того же текста, а именно A. Van den Wyngaert (Sinica Franciscana, 1929), значительно более совершенное. Поэтому перевод F. Risch'a отличается большими достоинствами даже по сравнению с прекрасным переводом А. И. Малеина (издание А. С. Суворина, 1911). К основному тексту реляции Рубрука издатели добавили переводы семи писем и разных сообщений, предшествовавших отправлению Рубрука на Восток и А. И. Малеиным не переведенных.

Однако комментарии к переводу F. Risch заставляют желать лучшего. В этом отношении он совершил большую ошибку, не воспользовавшись теми знаниями, каковые востоковедение, в частности русское, могло предоставить в его распоряжение. Аппарат примечаний к переводу, занимающий большую половину книги, своими размерами и вниманием к мельчайшим деталям говорит о большой работе над объяснением как терминологии, так и различных явлений, зафиксированных наблюдательным Рубруком. Но отсутствие русской литературы делает его очень односторонним. F. Risch незнаком ни с аналогичным трудом А. И. Малеина, ни с работами В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова, И. Н. Березина, Г. Е. Грум-Гржимайло и многих других авторов. Приводимый им в предыдущем переводе список литературы добавлен